

Гучкова Ирина Вадимовна

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОПОВЕДЕЙ ГАВРИЛЫ СТЕФАНОВИЧА-ВЕНЦЛОВИЧА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СТИХИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕИЗДАННОЙ РУКОПИСИ 1732 Г.)

В статье на материале неизданной рукописи 1732 г. анализируется использование заимствований (турцизмов) в языке проповедей сербского писателя первой половины XVIII в. Гаврилы Стефановича-Венцловича. Семантический и стилистический контекст употребления заимствований, представляющих собой характерную особенность языка сочинений Венцловича, показывает, что они относятся к разговорной лексике и являются неотъемлемой частью народного идиома, на котором ? и для носителей которого ? автор создавал свои проповеди.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 79-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 811.163.41

В статье на материале неизданной рукописи 1732 г. анализируется использование заимствований (турцизмов) в языке проповедей сербского писателя первой половины XVIII в. Гаврилы Стефановича-Венцловича. Семантический и стилистический контекст употребления заимствований, представляющих собой характерную особенность языка сочинений Венцловича, показывает, что они относятся к разговорной лексике и являются неотъемлемой частью народного идиома, на котором – и для носителей которого – автор создавал свои проповеди.

Ключевые слова и фразы: сербский письменный язык XVIII в.; литературный язык; народный язык; язык проповедей; Гаврилы Стефанович-Венцлович; заимствования; турцизмы.

Гучкова Ирина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

igutch@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОПОВЕДЕЙ ГАВРИЛЫ СТЕФАНОВИЧА-ВЕНЦЛОВИЧА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СТИХИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕИЗДАННОЙ РУКОПИСИ 1732 Г.)

Гаврилы Стефанович-Венцлович [2; 6] – сербский писатель, художник, путешествуя проповедник первой половины XVIII в., деятельность которого проходила на территории южной Венгрии, куда вместе со своими соотечественниками он был занесен волной миграций 1690 г. в условиях турецкой угрозы. Он оставил после себя огромное рукописное наследие, из которого около 9000 страниц написано на народном языке. Стремясь максимально приблизить содержание проповедей своим слушателям – простым лодочникам, торговцам и солдатам, – Венцлович опередил свое время, создав письменный язык, который можно назвать предшественником литературного языка Вука Караджича, легшего в основу современного сербского литературного языка. Отличительная черта языка проповедей Венцловича – органичное сосуществование церковнославянского наследия с народным идиомом, лексическое богатство, высокая образность. Несмотря на свои выдающиеся характеристики, язык этот, по ряду экстралингвистических причин [5], не оказал влияния на развитие сербского литературного языка. Сочинения Венцловича оставались в забвении вплоть до 60-х гг. XX века. В немалой степени это было обусловлено тем, что при жизни автора его сочинения не были напечатаны, а большая их часть остается в рукописной форме до сих пор. В середине прошлого века стараниями сербских лингвистов новосадской школы, во главе с Александром Младеновичем, было начато исследование языка писателей XVIII в. [4] и среди них – Г. Ст. Венцловича. Тем не менее, до сих пор не существует всесторонней монографии, посвященной языку его проповедей, нет также и критического издания его рукописей.

Фигура Венцловича уникальна во многих отношениях. Единственный среди писателей того периода, он использует на письме два языка – церковнославянский язык и сербский народный диалект. Язык его проповедей является результатом попыток осуществить слияние церковнославянского и народного идиома таким образом, чтобы один тип языка поддерживал другой для обеспечения максимальной понятности текста [1, с. 612]. Кроме того, Венцлович на протяжении всей жизни занимался филологическими изысканиями и сумел предвосхитить некоторые позднейшие преобразования в сербском литературном языке. Более чем за сто лет до Вука Караджича он осуществил попытку реформирования алфавита и начал использовать ряд букв, введенных позже в обиход Караджичем и закрепившихся в литературном языке.

Язык проповеди как особой категории текста требует одновременно понятности (в частности, максимальной приближенности к лексическому фонду слушателей) и образности (например, использования необычных выражений и слов-маркеров, привлекающих внимание слушателей к содержанию речи или подчеркивающих отдельные части проповеди). Выполнению этих задач в тексте проповедей Венцловича способствуют, в том числе, и заимствования.

Анализ заимствований в настоящей статье проведен на материале неопубликованной рукописи 1732 г. из собрания архива Сербской академии наук и искусств «Повчениа и слова разлика и пролози нарочитимъ светимъ и праздникомъ» (инв. № 94 (271)) – хронологически первого из дошедших до нас сборников проповедей Венцловича на народном языке. В тексте рукописи были зафиксированы следующие группы заимствований по происхождению: турцизмы, мадьяризмы, германизмы, галлицизмы, итальянизмы, гебраизмы, грецизмы и латинизмы. Грецизмы, латинизмы, гебраизмы (принятые вместе с библейскими текстами, через греческий язык) обеспечивают образность проповеди, обозначая, прежде всего, предметы церковного обихода, понятия христианского вероучения, библейские реалии и т.п., и тем самым позволяя проповеднику создать особую библейскую атмосферу. Лексика, относящаяся к этой группе заимствований, также часто обозначает абстрактные понятия и относится к «высокому стилю», тем самым, по своей функции, примыкая к славянизмам. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на заимствованиях, относящихся ко второй группе (включающей турцизмы, мадьяризмы, германизмы, галлицизмы, итальянизмы), а именно, на турцизмах, которые, в отличие от грецизмов и латинизмов, наоборот, «спускают» высокое содержание проповеди на землю, делают его более понятным для слушателей. Пересказывая сюжеты Священного Писания, Венцлович сумел сделать их содержание близким и понятным для простых сербских лодочников, торговцев и солдат: помимо народной лексики, в немалой степени этому способствовали именно заимствования, составлявшие в то время неотъемлемую часть диалекта, на котором говорили сербы к северу от Савы и Дуная, т.е. на территории современной Венгрии.

Самую обширную и разнообразную по своей семантике группу заимствований у Венцловича представляют турцизмы. Анализ контекста их употребления в тексте рукописи показывает, что Венцлович использует эту лексику в тех частях проповеди, где он обращается непосредственно к слушателям или пересказывает сюжеты из Священного Писания. Часто эти отрывки отличаются особой эмоциональностью, экспрессией, в них Венцлович обличает пороки своей паствы и при этом использует стилистически сниженную, ироничную лексику. Пересказывая отрывки из Священного Писания, Венцлович стремится приблизить их содержание к своему времени и сделать более понятным для слушателей и для этого наполняет свой пересказ бытовой лексикой, реалиями окружающей действительности.

В следующем примере Венцлович пересказывает историю из книги «Деяния святых апостолов»: в ней повествуется о некоем юноше Евтихии, который задремал во время проповеди апостола Павла и выпал из окна (*здесь и далее словарные дефиниции лексем приводятся по словарю Škaljić Abdulah. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku* [7] – прим. автора И. Г.).

Kade je u Trojadi свети апостол Павао казивао ноћу на високом чардаку људма божије слово по поноћи и до зоре. а он будавши млад човек, седећи на пенџеру и дремљући заспа та и преврну се на трашке. те хукац доле о калдрму с троструки кућа и сав се раздрузга [«Повчениа и слова разлика...», с. 85а].

Этот небольшой отрывок включает целых три турцизма, обозначающих бытовые предметы: *чардак* (высокий, обычно трехэтажный дом; деревянный дом на сваях), *пенџер* (окно) и *калдрма* (мошеная булыжная мостовая). С помощью этой лексики Венцлович добивается удивительной живости описываемой картины: история как будто происходит на глазах у слушателей, в обычной для них обстановке.

Кроме лексем с конкретным значением, Венцлович также использует турцизмы, обозначающие отвлеченные понятия: это слова с турецким суффиксом *-лук*, такие как *гурбетлук* / скитания в поисках работы; бродяничество; нищенское существование [Там же, с. 396], *довлетлук* / от ар. *девет* / счастье, благополучие, благосостояние [Там же, с. 326, 586, 646], *ексиклук* / неполнота, недостаток [Там же, с. 796], а также следующие: *берихет* / обилие, изобилие; счастье, процветание [Там же, с. 32а], *фајда/хвајда* / толк, прок, польза, прибыль [Там же, с. 4а, 176, 406, 107а, 120а, 113а, 1136, 124а, 1156], *хал* / зло, беда, несчастье [Там же, с. 1156], *гарез* / злоба, вражда, ненависть [Там же, с. 1166, 123а], *ивтир* / клевета, ложное обвинение [Там же, с. 246], *кавга* / ссора, спор, скандал [Там же, с. 12а, 106а, 1126], *тафра* / почет, уважение, слава [Там же, с. 256, 53а, 74а, 79а, 53а, 113а, 114а, 16, 8а, 1216, 1196], *шега* / насмешка, издевка, шутка [Там же, с. 856, 1006]. Эти лексемы придают тексту эмоциональную, экспрессивную окраску, они обладают оценочным значением, и их Венцлович использует, обращаясь непосредственно к слушателям или говоря о явлениях окружающей действительности.

Помимо лексем, обозначающих предметы и явления из повседневного обихода, а также лексем с отвлеченным значением, обозначающих в том числе различные эмоциональные состояния, следует отметить еще одну семантико-стилистическую группу турцизмов, которые можно отнести к сниженной разговорной и просторечной лексике. Это, например, лексема *будала* / дурак, глупец, безумец: *еда ли има тај будала, који би бежећи му насред пута себи кућу правило* [Там же, с. 1196] / «есть ли на свете такой глупец, который бы во время бегства строил себе дом посреди дороги». Или лексема *бабаземан* / старые, далекие времена. Эта лексема встречается и в словаре сербского народного языка Вука Караджича 1818 г. [5] примером в виде пословицы: *Од бабаземана и цара Шћепана*, т.е. «очень давно».

Да имате знати добра браћо, јер данаске је предпразанство к ваздвижењу частному крсту Христову, на комуно је сам наш Господин створитељ Исус Христос био приковат, те и затре нашу прадетску клетву, која је била се навукла на сав род људски од бабаземана изарад преступљења Божије заповести [«Повчениа и слова разлика...», с. 105а] / «Да будет вам известно, добрые братья, что сегодня — предпразднество Воздвижения честного креста Христова, к которому и сам наш творец Господь Иисус Христос был прикован, и которым Он уничтожил проклятие наших предков, что пало на весь род людской в стародавние времена из-за преступления божьей заповеди».

К этой же группе относятся некоторые наречия, часть которых прочно вошла в современный сербский язык и находится в активном употреблении и в наше время: *ама* / но, только [Там же, с. 36, 66, 146, 176, 20а, 23а, 256, 27а]; *хаман* / именно, как раз [Там же, с. 44а, 846]; *бар // барем* / по крайней мере, хотя бы [Там же, с. 94а, 946, 122а, 94а]; *баиш* / именно, как раз, действительно [Там же, с. 33а, 34а, 119а, 1266]; *хич* / совсем, нисколько, никак [Там же, с. 146, 1166]. Сюда же относится междометие *бре* [Там же, с. 1136], используемое для привлечения внимания или для выражения удивления, и междометие *хајде* [Там же, с. 30а, 1116], обозначающее призыв к движению, началу действия («ну, давай, трогай»).

Проведенный анализ позволяет выделить среди употребляемых Венцловичем турцизмов три семантические группы: 1) группу лексики, обозначающую предметы и явления из повседневного обихода; 2) группу лексики с отвлеченным значением, обозначающую эмоциональное состояние или отношение к происходящему; 3) сниженную разговорную и просторечную лексику. Рассмотренные примеры позволяют заключить, что турцизмы в языке Венцловича относятся к разговорной лексике и являются неотъемлемой частью народного идиома, на котором – и для носителей которого – автор создавал свои проповеди. Использование данной лексики в тексте проповеди позволяет приблизить ее содержание слушателям, способствует лучшему его пониманию, а также увеличивает экспрессивность повествования.

Турцизмы, которыми изобилует язык Венцловича, используются для обозначения предметов и явлений быта, передачи сельского уклада жизни, характерного для сербов из «собственно Сербии». Эта лексика была усвоена значительно раньше, чем мадьяризмы и германизмы, которые вошли в язык в результате миграций сербов на территории, расположенные к северу от рек Савы и Дуная. Кроме того, турцизмы используются для передачи отвлеченных понятий, эмоциональных состояний, для выражения нравственных оценок. Наконец,

определенная часть турцизмов в языке анализируемой рукописи имеет сниженно разговорную, просторечную окраску. Использование этой группы лексики создает впечатление живого диалога между проповедником и его слушателями и позволяет воссоздать атмосферу разговорной речи. В целом, рассмотренная группа заимствований наряду с сербской народной лексикой относится к лексическому слою, приближающему язык проповедей Венцловича к литературному языку Вука Караджича, который не выступал против заимствований, прочно вошедших в народные диалекты. На другом полюсе языковой системы Венцловича – церковнославянизмы и примыкающие к ним заимствования из греческого, латинского и древнееврейского языков. Гармоничное сосуществование этих двух полюсов обеспечивает лексическое богатство и стилистическую гибкость языка Венцловича, что отличает его от языка В. Караджича, в основу которого лег исключительно народный идиом. В рамках данной статьи были рассмотрены те лексические особенности языка Венцловича, которые приближают его к современной концепции сербского литературного языка и позволяют назвать его предтечей языковой модели Вука Караджича, который положил в основу литературного языка язык простого народа.

Список литературы

1. **Анђелковић М.** О неколиким језичко-ортографским особеностима Венцловићевих Беседа на Божић. // Српски језик: Студије српске и словенске. Београд: Филолошки факултет, 2011. № XVI. С. 611-626.
2. **Венцловић Г. С.** Црни биво у срцу – легенде, беседе, песме / избор, предговор и редакција М. Павић. Београд: Просвета, 1966.
3. **Младеновић А.** Језичка ситуација код Срба у време велике сеобе (1690) // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1990. № 20/1. С. 345-350.
4. **Павић М.** Гаврил Стефановић Венцловић. Београд: СКЗ, 1972.
5. **Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма** (скупико га и на свијет издао Вук Стефановић Караџић). Беч, 1818.
6. **Толстой Н. И.** Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.) // Славянское и балканское языкознание. Институт литературных языков и письменности. М.: АН СССР; Институт славяноведения и балканистики, 1979. С. 154-197.
7. **Škaljić Abdulah.** Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: Izdavačko preduzeće „Svjetlost“, 1966.

**LOANWORDS IN THE LANGUAGE OF SERMONS BY GAVRIL STEFANOVIĆ VENCLOVIĆ
AS A REPRESENTATION OF FOLK LINGUISTIC ELEMENT
(BY THE MATERIAL OF THE UNPUBLISHED MANUSCRIPT OF 1732)**

Guchkova Irina Vadimovna
Saint Petersburg State University
igutch@mail.ru

The article by the material of the unpublished manuscript of 1732 analyzes the use of loanwords (Turkicisms) in the language of sermons by the Serbian writer of the first half of the XVIII century Gavril Stefanović Venclović. Semantic and stylistic context of using loanwords appearing as the typical feature of Venclović's language shows that they refer to the colloquial vocabulary and are the integral part of folk phraseological fund on which and for the bearers of which the author created his sermons.

Key words and phrases: Serbian written language of the XVIII century; literary language; folk language; sermon language; Gavril Stefanović Venclović; loanwords; Turkicisms.

УДК 8.81-26

Попытка выстроить иерархию факторов, влияющих на выбор варианта перевода в условиях амбивалентности исходного текста, является инновационной составляющей исследования. Статья рассматривает прагматические и лингвистические факторы, влияющие на процесс и результат перевода, уточняет понятие иносказания, проводит сравнительный анализ фрагментов исходного текста и текста перевода, а также рассматривает роль интерпретации на предпереводческом этапе работы с инокультурным текстом.

Ключевые слова и фразы: критерий выбора переводческого решения; прагматический фактор перевода; норма перевода; лингвистический фактор перевода; переводческая интерпретация; амбивалентность исходного текста.

Дулалаева Ирина Юльевна
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
firenedu@gmail.com

КРИТЕРИИ ВЫБОРА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Актуальность выбора темы исследования обусловлена трудностями, с которыми сталкивается переводчик в своей практической деятельности. Вопрос о том, какими критериями должен руководствоваться переводчик, выбирая тот или иной возможный вариант перевода отрезков исходного текста, составляющих сетку переводческих проблем, является насущным для каждого переводчика, как в ежедневной практике перевода,